

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИМИДЖА ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1920-е гг.

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки РФ образовательных организаций по проекту 33.1687.2017/ПЧ «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности».

На материалах периодической печати, архивной документации, источников личного происхождения исследуется процесс трансформации корпоративной идентичности и имиджа Томского университета в 1920-е гг. Анализируются изменения в научных и административных структурах университета после восстановления советской власти в Томске в декабре 1919 г. Практическое проведение декретов и положений о высшей школе в Томском университете привело к столкновению между старой профессурой и представителями советской власти, поддержанной частью профессорско-преподавательского состава. Делается вывод, что изменение имиджа и складывание новой корпоративной идентичности университета произошли в результате конвергенции дореволюционной академической традиции и новых веяний.

Ключевые слова: Томский университет; 1920-е гг.; корпоративная идентичность; имидж; профессура.

В 1932 г. писатель Илья Эренбург в рамках своей поездки по СССР посетил Томск. Его впечатления о городе нашли отражение в романе «День второй», в котором особое место отведено «шумной истории» города. Эренбург в характерной манере описал особенности местной исторической памяти, хранившей имена декабриста Батенькова, «строившего здесь замысловатые дома с бельведерами», революционера-анархиста Бакунина, венчавшегося в Томске, Федора Кузьмича, которого «народная молва превратила в царя».

Тем не менее город не произвел впечатления на писателя, что особенно заметно в его депрессивных зарисовках Томска времен революции 1917 г. и Гражданской войны. Вдохновленный энергией индустриализации и социалистического строительства 1930-х гг., Эренбург восхищался скорее крупными промышленными городами Сибири. «Судьбу различных городов, – писал он, – легко было распознать на вокзале: достаточно было поглядеть, какой хлеб едят местные жители. Там, где люди строили гиганты, хлеб был светлогорый и нежный. В Томске хлеб черный, мокрый и тяжелый: пятилетка обошла Томск, и Томск умирал» [1. С. 43]. И далее: «Так жил город, который должен был умереть» [Там же. С. 44].

Однако «своенравность» революции, «богатой на выдумки», по мнению Эренбурга, предопределила для города иную судьбу. И ключевое значение в этом он отводил университету.

Приведенный пример является одним из многих, иллюстрирующих подобное отношение к роли университета в истории Томске. Неоднократно жители или гости города связывали с ним не только богатство и содержательность исторического прошлого Томска, но и его перспективы в будущем.

В XXI в. Томск продолжает успешно эксплуатировать образ университета как бренда города, что отражается и на рекламных баннерах, и в объективных показателях (приток жителей). Что касается изображения главного корпуса Томского государственного университета (ТГУ) со 140-летней историей, то нередко именно по нему Томск узнают многие жители России и мира.

Все это определяет исследовательский интерес к историческому прошлому ТГУ, который прошел в

своем развитии несколько стадий. Для каждой из них были характерны особая символика, имидж, образы университета, находившие отражение в массовом сознании. Социально-политический контекст и вместе с тем прорастающие сквозь время традиции в разные периоды формировали специфический облик университета, что отражалось на таком явлении, как корпоративная идентичность.

Понятие «корпоративная идентичность» было введено в научный оборот сравнительно недавно, но уже успело получить широкое распространение, прежде всего в сфере бизнеса, маркетинга, связей с общественностью. Значение этого термина в литературе трактуется по-разному. Следуя исконным смыслам понятия «идентичность», корпоративная идентичность нередко определяется как «отождествление» сотрудниками себя с какой-либо организационной структурой или как «процесс осознания себя представителем определенной организации», степень соответствия ей. В различных подходах к понятию, в зависимости от концепции, упор делается либо на эмоционально-когнитивную составляющую, либо на организационный аспект [2. С. 69].

Если резюмировать всю совокупность дефиниций корпоративной идентичности, то наиболее компромиссно ее можно определить как комплексное понятие, включающее в себя элементы корпоративной культуры, философии, особенностей поведения внутри организации, а также стиля, дизайна и пр. [3. С. 72].

Подчеркивается, что необходимым условием складывания корпоративной идентичности является принятие всеми членами организации определенных правил игры, представлений и установок. Следовательно, в ситуации раскола внутри организации по данным критериям мы можем говорить о кризисе корпоративной идентичности. В свою очередь, среди признаков развитой корпоративной идентичности выделяют высокую степень осведомленности об истории, ценностях, целях организации; осознание единства сотрудника и организации и, соответственно, обособление от других структур; осознанное соблюдение правил корпоративного поведения и ряд других [4. С. 91–92].

В современной литературе существует тенденция разводить понятия «корпоративная идентичность» и

«корпоративный имидж». Последнее обыкновенно представляется производным от первого. Выделяются этапы формирования корпоративного имиджа от формулировки его видения до непосредственного конструирования, согласуясь с принципом «изнутри – наружу» [4. С. 90].

Таковы опорные точки в определении этого понятия, столь важного для характеристики организаций не только современности, но и прошлого. Вузы в данном случае живут по законам любой другой организации, стремясь не только к внутренней консолидации на основе фундаментальных принципов, ценностей, идей, но и к репрезентации «своего Я» в массовое сознание для привлечения студентов и преподавателей, поддержания уровня динамичного развития, создания собственного мифа. Важным инструментом репрезентации образов корпоративной идентичности и имиджа является периодическая печать, к которой как к историческому источнику неоднократно обращаются авторы настоящей статьи. Отдельные аспекты рассматриваемой в статье проблемы нашли освещение в монографии новосибирских историков, посвященной сибирской интеллигенции первой трети XX в. [5].

В годы революции и Гражданской войны Томск переживал период своеобразного ренессанса. В университете еще в 1917 г. были открыты физико-математический и историко-филологический факультеты. Политические события и социально-экономическая обстановка в стране способствовали активному притоку научных кадров в город. Сюда одно время были эвакуированы преподаватели Казанского и Пермского университетов (в период отступления Белой армии), нередко переезжали и профессора из Москвы и Петрограда. В Томске был учрежден Институт исследования Сибири, который современники называли «Сибирской Академией». Вузы города жили по-старому, не нарушая сложившихся традиций, ритуалов, этики взаимоотношений внутри академических сообществ. Томский университет, получивший в 1917 г. долгожданную автономию, воспринимал ее как большое достижение. Однако с окончанием Гражданской войны ситуация изменилась.

1920-е гг. – особенное время в отечественной истории. Это была эпоха контрастов, когда «буря и натиск» нового советского мира встретили сопротивление почти во всех сферах жизни. Не стала исключением и система высшей школы, в том числе и Томский университет, который ко времени восстановления советской власти в Томске в 1919 г. имел за собой 30-летнюю историю и сложившийся образ корпоративной идентичности университетского сообщества. С. Финкель отмечал: «Период Гражданской войны можно считать относительно “либеральным” по отношению к высшему образованию, но начало НЭПа компенсировало этот либерализм настойчивым вмешательством со стороны партийно-государственных органов в дела высшего образования» [6. С. 174].

Радикальное изменение статуса профессоров и научных сотрудников, контекста повседневности, принципов организации управления внутри университета, экспансия советской партийной культуры в вузовскую жизнь определили то, что в 1920-е гг. в сте-

нах университета развернулась борьба, в которой оппонентом власти и части профессорско-преподавательского состава стала так называемая старая профессура. В это время в университете шла трансформация былой корпоративной идентичности, которая в конечном итоге в результате сложного сочетания традиции и новации сложилась в особое явление.

Для проведения реформ в томских вузах («согласно со своей революционной совестью») не только в сфере управления, но и преподавания создавались так называемые тройки, куда входили представители «от парткома, студенчества и народа» [7. 1920. 6 марта]. В 1920 г. была создана Коллегия по управлению высшими учебными заведениями г. Томска, плодом деятельности которой явилось «Положение о Томском университете и Технологическом институте». На протяжении последующего полугодия его текст неоднократно менялся без согласования с профессурой и студенчеством. Готовое положение вызвало несогласие со стороны ректора и профессоров Томского университета, прежде всего по вопросу о представительстве студенчества и прочих заинтересованных государственных, профессиональных, производственных и общественных организаций в ученых и административных структурах университета [8. Л. 5].

Отменялись ученые степени и связанные с ними привилегии. По декрету СНК (1918 г.) все приват-доценты со стажем не менее 3 лет становились профессорами, что значительно пополнило профессорско-преподавательский корпус томских вузов и в то же время наложило отпечаток на взаимоотношения внутри академической корпорации. В Томском университете после введения декрета количество профессоров увеличилось на 25% (с 60 до 75 чел.) [5. С. 142]. В 1920 г. звание профессора Томского университета получили Я.А. Калачников (по кафедре терапевтической клиники), П.М. Караганов (по кафедре судебной медицины), В.Я. Нагнибеда (по кафедре теории и техники статистики), Е.И. Небользов (по кафедре детских болезней), А.М. Никольский (по оториноларингологии) и др. [9. С. 185, 188, 308, 310, 324]. По замыслу организаторов, эта мера должна была внести раскол в корпорацию и склонить часть профессоров в сторону советской власти.

Неприятие вызвала и отмена аттестации научных кадров, являвшейся в дореволюционной высшей школе «общепризнанным внутри корпорации способом вхождения в нее и одним из механизмов функционально-ролевой иерархии». Несмотря на нововведения, часть профессоров стремились к сохранению «форм внутренней аттестации». Некоторые из них (как, например, В.Д. Кузнецов) отказывались от получения звания профессора и проходили процедуру защиты диссертации на звание ученого специалиста [5. С.136]. Таким образом они выражали свою солидарность со сложившимися еще до революции классическими принципами получения ученой степени и принятия в профессорское университетское сообщество.

25 января 1921 г. на заседании Совета Томского университета состоялись выборы ректора по новым правилам. В голосовании принимали участие 190 человек (77 профессоров и преподавателей, 103 пред-

ставителя от студенчества, 9 – от административно-хозяйственной части). В своем вступительном слове подавший в отставку ректор профессор А.П. Поспелов охарактеризовал период с момента восстановления советской власти в Томске как «бессовестье», отметив при этом: «За год существования советской власти в Сибири администрации университета приходилось и приходится переживать тяжелые моменты вследствие неполной налаженности отношений местной власти к университету» [8. Л. 8 об.]. Профессор В.Н. Саввин в ходе заседания отметил, что «Положение о Томском университете и Технологическом институте» «в своих основных пунктах страдает неясностью и логической несогласованностью».

Решением частного совещания профессоров и преподавателей на пост ректора была выдвинута кандидатура профессора Б.Л. Богаевского, одобренная студенческой фракцией. В своем обращении к собравшимся Богаевский заявил: «Незачем говорить нынешним сибирякам, как Томский университет необходим для Сибири, – это слишком очевидно. Томский университет надо сберечь и усилить. Каковы веления Духа, оживляющие университет? Университет должен существовать, как *Universities Litterarum*. С гордостью можно отметить, что профессора, преподаватели и студенчество признают необходимым сохранить гуманитарные факультеты. Нет розни между представителями точных дисциплин и представителями гуманитаристов... Но наряду с веяниями Духа существует, как выразился в одной из своих трагедий гениальный греческий поэт Эсхил, “Веления Жизни”. Должны быть созданы здоровые, простые и культурные условия жизни и работы в университете» [Там же. Л. 12–12 об.].

Из-за отсутствия достаточного количества шаров (именно по ним ранее осуществлялись выборы) для голосования использовались записки. Б.Л. Богаевский был избран подавляющим большинством голосов. На том же заседании избирался состав хозяйственного комитета и комитета по студенческим делам. В марте избрание нового ректора было одобрено заведующим ЗапСибнаробразом Д.К. Чудиновым. Несмотря на процедуру одобрения государственным органом, это были первые столь демократичные выборы в истории университета.

Однако, как вспоминал В.Д. Кузнецов, новый ректор «примыкал к группе реакционных профессоров, и большевики были им очень недовольны» [10. С. 148]. Подтверждается это и критикой его вступительной речи, развернутой в печати. Так, в одной из заметок в местной газете «Знамя революции» (в будущем – «Красное знамя») профессор Богаевский был представлен идеологом «философии вымирания». В его лице критиковалась вся старая профессура с ее «флером пессимизма и сожалением по умирающей буржуазно-капиталистической культуре», «преклонением перед “Духом”, незнающим социальных расщеплений и классов», «защитой полного банкротства идеализма» и т.д. В заметке отмечалось: «Становится очевидным, что являясь продуктом социального вымирания класса эксплуататоров, “философия вымирания” больше чем когда-либо в период своего вырождения стано-

вится яркой реакцией против всяких попыток новых течений» [7. 1921. 31 марта].

Автор заметки не побоялся прибегнуть и к оскорбительным выражениям в адрес старой профессуры («философствующие дегенераты»), что трудно было представить в прежние времена. Это явственно свидетельствовало о трансформации социального статуса «старых» профессоров и преподавателей, их месте в новой сетке корпоративной идентичности университета.

Проведение реформ в системе высшей школы встретило сопротивление профессорско-преподавательского состава по всей России. Пиком его стал период осени–зимы 1921–1922 гг., когда «профессора ведущих вузов страны, нередко при поддержке своих студентов, громко и горько протестовали против введения нового устава, реформирующего высшее образование» [6. С. 174].

Наибольшее недовольство профессуры вызывали инициативы власти, связанные с так называемой пролетаризацией вузов путем «предпочтительного приема рабочих и крестьян, организуя рабочие факультеты», изменением системы назначения на преподавательские должности, ликвидацией гуманитарных факультетов и введением вместо них факультетов общественных наук (ФОН) [Там же. С. 175].

По декрету СНК РСФСР «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)» от 2 сентября 1921 г., фактически выполнявшего функцию устава, в советы вузов наряду с профессорами должны были входить преподаватели и научные сотрудники, студенты, представители профессиональных объединений, местных губисполкомов, наркомата и т.д. Всеми высшими учебными заведениями РСФСР заведовал Народный комиссариат просвещения. По уставу, ректоры и члены Правления назначались Главным комитетом профессионально-технического образования из числа лиц, избранных в вузе по пяти куриям.

В 34-й статье Положения указывалось: «В случае неповиновения распоряжениям Правления со стороны подчиненных коллегий [Советов и Президиумов факультетов и пр.], или единоличных органов со стороны отдельных лиц и групп, принадлежащих к составу преподавателей, слушателей и служащих высшего учебного заведения, Правление имеет право для восстановления порядка непосредственно обращаться к содействию соответствующих органов власти на местах, немедленно уведомляя об этом Главный комитет профессионально-технического образования» [11].

Принятие «Положения...» вызвало в академической среде России эффект разорвавшейся бомбы. Ситуация усугублялась и тяжелым материальным положением, в котором оказалась профессура по всей стране. В городах центральной России (прежде всего в Москве и Петрограде) акции протеста сопровождались прекращением занятий, забастовками, призывами к саботажу, ультиматумами со стороны профессуры и студенчества в адрес власти.

Что касается профессуры Томского университета, с ее стороны протест носил неявный характер. Однако именно томская профессура в вопросе лояльности советской системе в то время считалась «особенно упрямой» [12].

В 1922 г. в Томском университете был закрыт ФОН. Подобный факультет, по замыслу организаторов, был оставлен в «более молодом» Иркутском университете, «которому было легче переварить советское обществоведение, чем старому и окрепшему в своих воззрениях Томскому университету». «Учебное заведение, выросшее в период революции, – вспоминал Д.К. Чудинов, – было более подвижным и чутким к запросам действительности... Оставление факультета общественных наук в Иркутске и закрытие его в Томске было принято, как кровная обида, нанесенная университету» [13. С. 35]. Едва удалось избежать реорганизации физико-математического факультета университета в педагогический институт. Вскоре после закрытия ФОНа профессор Б.Л. Богаевский оставил пост ректора и покинул город [14. С. 87].

Профессор В.Д. Кузнецов, исполнявший обязанности ректора Томского университета с июля по сентябрь 1922 г., вспоминал, как незадолго до назначения он был приглашен на встречу с почтенными томскими профессорами А.П. Поспеловым (бывший ректор), С.М. Курбатовым, Н.В. Култашевым, Ф.Э. Молиным, М.Д. Рузским и тем же Б.Л. Богаевским. Кузнецов писал: «Когда я вошел в кабинет, то увидел, что все были в сборе. Очевидно, профессора собрались раньше. Пропустив меня, профессор Поспелов запер кабинет и ключ положил себе в карман, вынул из кармана револьвер и демонстративно положил его на стол. “Вот так попал”, – подумал я... Суть “беседы” сводилась к тому, что профессора меня запугивали, требовали, чтобы я не выдавал их на съедение большевикам, чтобы я во всем слушался их, так как только в этом случае можно сохранить университет, иначе он будет уничтожен» [10. С. 150].

Между тем продолжалась идеологическая кампания в местной прессе против старой профессуры. В сентябре 1922 г. критику вызвала встреча местных профессоров с представителем Нансеновского комитета иностранной помощи русской интеллигенции Гибсоном, с которой «по единогласному постановлению профессуры были изгнаны профессора рабфака». Данная акция была расценена как антисоветская политическая вылазка томских «рыцарей “аполитической буржуазной науки”» [7. 1922. 9 сент.]. В газете «Красное знамя» отмечалось, что рабфаковцы, «чтобы подчеркнуть свою солидарность и неразрывную связь со всем пролетариатом, бастующим и голодающим больше всего именно в тех странах, откуда идет помощь», запели «Интернационал». В ответ группа студентов запела гимн, символизирующий ценности дореволюционной и в целом классической высшей школы, – «Gaudeamus». «Эту по существу ничего не выражающую песенку, – прокомментировал автор заметки, – буржуазное студенчество противопоставило “Интернационалу” рабфаковцев с целью показать свою идейную связь со старыми дореволюционными и зарубежными коллегами... Товарищ вытеснит “коллегу”, “Интернационал” заглушает “Гаудеамус”» [Там же. 16 сент.].

В октябре того же года резонанс вызвала речь профессора С.В. Лобанова на открытии учебного года на медицинском факультете Томского университета, в

которой он говорил о том, что «старая высшая школа давала много, ее никто не разорял; в старой школе слушали профессоров и относились к ним с полным уважением и доверием, что бы ни делал старый профессор, его никто не критиковал, старые студенты, теперешние старшекурсники, даже недавно еще сами топили печи, заменяя собой сторожей, которые ходили на рынок, а, главное, они являются опытными во всяких делах». Анонимная «абитуриентка» назвала услышанное «программной речью старой профессуры» и выразила надежду, что «не за горами время, когда мы будем иметь и свою красную профессуру» [7. 1922. 3 окт.].

Вызвав раскол в университетской корпорации по важным вопросам, касающимся идентичности сообщества, советская власть в условиях невозможности достичь компромисса со старой профессурой взяла курс на замену ее новой «красной профессурой». «Молот истории застучал по толстым стенам университетов и вывел из равновесия ученое болото... Мрачная надежда на попятное движение истории согревает душу ученых старичков... Победившая революция вправе рассматривать высшую школу как один из фронтов контрреволюции», – говорилось в очередной «непримиримой» заметке в «Красном знамени» [Там же. 28 июня].

«Передовая часть буржуазно-монархических группировок в лице большей части профессуры и реакционного студенчества» [Там же. 10 окт.] продолжали критиковаться на протяжении всех 1920-х гг. Критике подвергся профессор Б.П. Вейнберг из-за содержания своих публичных лекций [Там же. 3 июля]. В свете своеобразной «победы» над старой профессурой был представлен процесс над бывшим профессором богословия Томского университета И.Я. Галаховым [Там же. 11 мая, 25 июля]. В конце 1920-х гг. нередко ставилось под сомнение, прежде всего с идеологической точки зрения, содержание курсов профессоров И.Н. Бутакова [7. 1929. 24 янв.], В.Д. Кузнецова, В.П. Миролюбова [Там же. 26 апр.], Л.И. Оморокова, И.А. Соколова [Там же. 8 мая] и др. Тогда же настоящей травле в прессе подвергся профессор ТГУ Вит.А. Хахлов.

Однако еще в 1923 г. после посещения Томска нарком просвещения А.В. Луначарский, говоря о томских профессорах, констатировал: «Из всех бесед моих с профессурой, наблюдений, справок, из этого вечера, проведенного, так сказать, с “профессорской массой”, я вынес решительное заключение, что профессура в подавляющем большинстве, по меньшей мере, примирилась с советской властью и самым лояльным образом готова сотрудничать с ней, что сопротивление профессуры можно найти только в порядке некоторой учебно-методологической косности, которая не может не противиться некоторым реформам в области самого преподавания, не может не находить их чуждыми и скороспелыми... Расстояние между нами и профессурой стало меньше, даже в Томске...» [12].

В «Советской Сибири» была опубликована заметка бывших профессоров томских вузов (П.И. Лященко, В.А. Ванюкова и др.), в которой те выразили

«большое удовлетворение статьей Луначарского» и, особенно, его словами о том, что «Томск должен явиться гигантским культурным очагом для Северной Азии, отчасти и за пределами Сибири» [15. 1923. 31 июля]. Однако и это в целом лояльное выступление не обошлось без ответной критики представителей местных властей [Там же. 17 авг.].

Стоит, однако, отметить, что скорее местная власть была вынуждена примиряться со старой профессурой, чем наоборот. Яркое свидетельство об этом тот факт, что в 1922–1929 гг. ректором Томского государственного университета был представитель той же старой профессуры, упоминавшийся выше профессор В.Н. Саввин. Партийные представители в университете, ведшие мониторинг политических настроений профессорско-преподавательского состава и делившие его на «махрово-реакционную, нейтральную и просоветскую части» [16. Л. 7], в своем послании заместителю Наркомпроса И.И. Ходоровскому отмечали: «Реакционно-консервативные профессорские кадры с идущими за ними молодыми сотрудниками хорошо сколочены в свой фракционный кулак и возглавлены таким матерым лидером, как ректор Саввин» [17. Л. 8].

Столкновение между старой, верной дореволюционным академическим традициям и отстаивающей идею автономии университета, и новой, лояльной советской власти, профессурой проявилось, например, после избрания деканом физико-математического факультета профессора В.В. Ревердатто, когда часть профессоров факультета желала «снять его с этой должности», и многие профессора (В.Д. Кузнецов, И.А. Соколов, А.В. Лаврский, С.В. Лебедев и др.) были настроены по отношению к нему оппозиционно. Продолжалась борьба против участия студентов в управлении вузом. Возражение вызывали попытки ввести на кафедры ординаторов и научных работников, «не угодных заведующему». [18. Л. 1–6]. Так старая профессура стремились сохранить в университете «традиционную модель внутрикафедральных отношений» [5. С. 143], проявлявшейся, в частности, в уважении и приоритете мнения заведующего при выборе новых сотрудников.

Представители старой профессуры, осознавая свое значение для города и университета, в случае возникновения конфликтных ситуаций нередко прибегали к ультиматумам, угрожая покинуть университет. Это была действенная мера. В партийной докладной записке университета тех лет отмечалось: «У нас так мало научных сил, к нам так неохотно едут, от нас так охотно бегут, что приходится дорожить буквально каждой единицей, каждой сколько-нибудь активной фигурой, подчас закрывая глаза на некоторые проблемы» [17. Л. 8 об.].

Действительно, тяжелые материальные условия (низкие заработные платы, проблемы с жильем и т.д.), напряженные корпоративные отношения, столкновения в рамках университета различных ценностей, мировоззрений, в целом кризис группового сознания местного научного сообщества приводили к оттоку научных кадров высшей квалификации из Томска. С 1920 по 1924 г. Томский университет лишился

23 профессоров. Из них 5 умерли, 12 уехали, 6 перевелись во вновь организованные вузы Сибири. Всего город за это время покинули 40 профессоров. Перед началом 1924/25 учебного года из Томска уехали профессор П.М. Силин, Н.В. Култашев, А.А. Кулябко. Ряд других профессоров собирались покинуть город (С.П. Гомеля, Н.И. Карташов, Я.И. Михайленко). Все это заставляло говорить жителей об эпидемии бегства из Томска [7. 1924. 2 окт.].

В борьбе двух течений в корпоративной сфере университета, в конце концов, мог проиграть сам Томск, превратив свою репутацию крупного североазиатского научно-просветительского центра в факт исторического прошлого.

Уважение к традициям и заслугам членов корпорации, в данном случае заслуженных и почтенных ученых, является важным показателем уровня развития корпоративной культуры, создавая репутацию вузу и привлекая в него новых работников. В 1920-е гг. острая критика в прессе старой профессуры совмещалась с традицией чествовать юбиляров и доносить до населения сведения об их заслугах.

Так, в апреле 1924 г. был отмечен 40-летний юбилей научно-преподавательской и врачебной деятельности профессора терапевтических клиник ТГУ М.Г. Курлова и 30-летний юбилей научно-педагогической деятельности в Сибири профессора ботаники В.В. Сапожникова. В газете «Красное знамя» подчеркивалось: «Оба юбиляра за время своей профессорской деятельности создали многочисленную школу учеников, из которых многие ныне занимают кафедры в университетских городах России». Их чествование состоялось 20 апреля 1924 г. На нем присутствовали профессор, преподаватели, студенты и жители города [Там же. 19 апр.]. В их честь были выпущены юбилейные номера «Известий ТГУ».

Заметки и юбилейные мероприятия посвящались профессорам ТГУ В.М. Мышу («30-летие работы») [7. 1925. 12 февр.], М.С. Тарасенко («25 лет работы за социалистическую культуру») [7. 1926. 4 марта], Н.А. Александрову («25-летие в качестве профессора Томского университета»), Н.В. Вершинину («30 лет научной и ученой работы») [Там же. 18 апр.], А.Н. Зимину [7. 1927. 26 окт.] и др.

Отмечались юбилеи обыкновенно на торжественных заседаниях в Актовом зале ТГУ и нередко «превращались в праздник труда и науки». Так, упомянутый юбилей деятельности профессора В.М. Мыша сопровождался приветствиями не только коллег и студентов, но и общественных организаций. В.М. Мыш, который был представителем старой профессуры, в поздравлениях был удостоен звания «инженера медицины». В прессе при этом отмечалось: «Юбилей профессора В.М. Мыша, его 30-летняя многогранная деятельность лишней раз подчеркнули общность интересов трудящихся и ученых» [7. 1925. 24 нояб.].

В 1926 г. в Томском университете праздновали 35-летний юбилей факультетских клиник. В президиум заседания входили заместитель ректора профессор Е.И. Неболюбов, профессор А.П. Азбукин, а также представители окрисполкома и окрздрави, студенчества, месткома клиник, первый выпускник медицин-

ского факультета доктор Л.И. Рубинштейн. Под бурные аплодисменты собравшихся почетным председателем был избран М.Г. Курлов. Торжества состоялись в воскресенье 19 декабря. Главврач профессор С.В. Лобанов, а также профессора И.М. Левашев и А.Н. Зимин сделали доклады об истории и современном состоянии клиник [7. 1926. 19 дек.]. Собравшиеся в ходе заседания отдали дань памяти «профессорам факультетских клиник, отдавших им лучшие годы своей научной практической деятельности и умерших на своем посту: [А.П.] Коркунову, [И.Н.] Грамматикати, [С.М.] Тимашеву, [М.Ф.] Попову, [В.А.] Муратову и др.». Старейшим работникам клиник были вручены благодарственные грамоты [Там же. 21 дек.]. Приветственную телеграмму в связи с юбилеем прислал Нарком здравоохранения Семашко.

В 1927 г. были отмечены 10-я годовщина физико-математического факультета и «10 революционных лет» Библиотеки ТГУ. А в следующем году был отпразднован 40-летний юбилей Томского университета. Он был приурочен ко дню октябрьских торжеств. В рамках подготовки к торжественному заседанию Актный зал ТГУ был декорирован живыми цветами из оранжереи Ботанического сада, в нижнем этаже здания (в помещении Клуба ученых) была организована книжная выставка.

Празднование юбилея университета интересно с точки зрения эклектичного сочетания традиций старого времени и символики нового. Так, открывалось заседание исполнением «Интернационала» оркестром и хором музыкального техникума под управлением Л.Н. Виссонова. Почетными членами президиума были избраны А.И. Рыков, И.В. Сталин, А.В. Луначарский, Н.А. Семашко, а также председатель исполкома Сибирского краевого совета Р.И. Эйхе и первый секретарь Сибирского краевого комитета ВКП(б) С.И. Сырцов. Кроме профессоров, преподавателей и студентов на заседании присутствовали представители советских, партийных, общественных организаций города. Приветственные телеграммы прислали Наркомздрав, крайком, крайисполком, все местные организации и т.д.

Доклады сделали ректор В.Н. Саввин, декан физико-математического факультета В.В. Ревердатто, декан медицинского факультета А.П. Азбукин, студент И.Е. Зудилов. Зал продолжительными аплодисментами чествовал хранителей традиций университета, старейших профессоров П.В. Бутягина, И.М. Левашева, Н.В. Вершинина, В.П. Миролюбова. Тогда же было предложено присвоить факультетской и терапевтической клинике имя М.Г. Курлова, а Гербарию ТГУ – П.Н. Крылова [7. 1928. 10 нояб.]. Решено было издать юбилейный том «Известий ТГУ», в котором планировалось отразить научную, учебную, общественную деятельность университета за 40 лет.

Суда по поздравительным посланиям, юбилей университета, во всяком случае на время, объединил не только университетское сообщество, но и весь город. Корпоративный дух существует не только на уровне организации: он сохраняет связь и со всеми бывшими членами корпорации. В юбилейный период университет вспомнили многие бывшие студенты и

преподаватели. Это были благодарности «за полученное образование», пожелания «дальнейшего развития и процветания», «воспоминания об ушедших из жизни и вложивших в дело свою активность» служащих университета, просто «приветы близкому сердцу Томскому университету». Бывший помощник секретаря Правления университета В.Н. Ансиев пожертвовал «своим недвижимым имуществом, находящимся на улице Равенства». Не забыл университет и бывший ректор Б.Л. Богаевский, который отметил в своем приветствии: «Желаю продолжения плодотворной деятельности. Живо вспоминаю хорошие работы в университете» [19].

Поводом к корпоративной консолидации нередко служат и трагические события. В 1924 г. Томск встретил новость о кончине профессора В.В. Сапожникова. Профессор В.Д. Кузнецов от имени университетского сообщества отметил в некрологе: «Спи мирно, дорогой друг и товарищ и не беспокойся: мы будем помнить твои заветы и будем стараться продолжать твою работу» [7. 1924. 13 авг.]. Еще ранее из газет жители города могли получить сведения о том, что во время научной командировки на Алтай профессор В.В. Сапожников простудился, получил крупозное воспаление легких и больно возвратился назад [7. 1923. 2 нояб.]. Соболезнования о кончине поступали не только от научных работников города, коллег по университету, но и из разных организаций СССР (Наркомпрос, Академия наук и т.д.) [Там же. 1924. 24 авг.]. На гражданскую панихиду в Актном зале ТГУ собрались и профессора, и студенты, и рабфаковцы. Не обошли стороной это траурное мероприятие и представители советской власти. Свое прощальное слово сказали ректор В.Н. Саввин, профессора В.Д. Кузнецов, С.В. Лобанов, В.В. Ревердатто, декан рабфака С.Т. Русаков, представитель студентов В.П. Гришкевич. Всю ночь рядом с телом «дежурили почитатели» профессора [Там же. 15 авг.].

Поддержание традиции устройства юбилеев и чествований, отражение в городской печати трагических событий, связанных с университетом, восстановление в 1920-е гг. своеобразного культа ученых города, а также приобщение к этим процессам представителей городской партийной власти свидетельствуют о том, что в 1920-е гг. в Томском государственном университете начинает складываться новый тип корпоративной идентичности, рожденный одновременно из традиции и новых веяний.

Наряду с поиском фундаментальных ценностей, на которых можно выстроить идентичность университета в советское время, предотвратить опасность утраты городом репутации культурного центра Сибири, властями предпринимались меры, призванные остановить падение уровня жизни профессоров, преподавателей, университета. В 1920-е гг. в городе функционировала Комиссия по улучшению быта ученых, в 1925 г. были на 20% (надбавка за работу в окраинных вузах) повышены оклады научных работников вуза [7. 1925. 21 мая], организовывались дома отдыха, для ученых предоставлялись путевки на курорты, улучшилось хозяйственное положение университета в целом. В 1925 г. в одном из своих докладов В.Н. Саввин

отметил: «Бегства научных работников из-за недостаточного материального обеспечения, что имело место в прошлые годы, в настоящее время едва ли приходится опасаться» [7. 1925. 29 марта].

Таким образом, в рассматриваемый период Томский университет столкнулся с кризисом корпоративной идентичности. Стены вузы стали ареной столкновений разных философий, мировоззрений, взглядов на принципы организации управления, учебных планов, содержания курсов и т.д. Университетское сообщество, как студенты, так и преподаватели, дифференцировалось по идейным, ценностным установкам. Для формирующейся корпоративной культуры было характерно осознание университета как культурного ядра Томска, а Томска – как культурного центра Сибири, зарождение практики социального эгалитаризма в университете и низкий уровень субординации внутри сообщества (все друг другу товарищи), наконец, приобщение к социалистическому строительству, на основе чего изменился и имидж ТГУ.

Одной из особенностей университета в рассматриваемый период является то, что складывание новой корпоративной идентичности шло в нем одновременно с формированием нового имиджа.

Уже в начале 1920-х гг. изменились очертания «лица» университета – его главного корпуса. В дореволюционные времена на фронтоном располагался крест. Связано это было с тем, что в здании тогда располагалась домовая церковь. Естественно, после окончательного установления в городе советской власти церковь была закрыта, а крест снят. На его месте, в тот же подкрестный шар, был установлен знак «Серп и молот». Этот символ нового времени одно время сочетался с табличками на фасаде с надписями об основании и открытии университета, сделанными еще старой орфографией.

Позднее над фронтоном главного корпуса университета развивался советский флаг. Уже в 1930-е гг. здание обретет свою законченную «советскую» композицию, когда после присвоения университету имени В.В. Куйбышева его новое название красными буквами увенчает фасад. В праздничные дни его украшали гербом СССР, портретами Ленина и Сталина. Накануне войны перед фонтаном был установлен памятник последнего. Новые красные тона радикально изменили имидж университета.

В период острого противостояния старой и новой профессуры изменились интерьеры в стенах университета. Портреты «героев нового времени» Ленина и Калинина, академиков Обручева и Тимирязева в 1920-е гг. нередко украшали помещения университета. Изображения политических лидеров страны были на транспарантах с лозунгами, которые по случаю торжеств вешались в Актовом зале университета. В обиход городских обывателей через прессу и выступления ученых стали входить сравнения Томска с западными университетскими центрами, образуя такие сочетания, как Сибирский Оксфорд, Сибирский Гейдельберг и т.д. Улица Черепичная, на которой располагались студенческие общежития, по примеру Парижа нередко именовалась в газетах «Томским “Латинским кварталом”». Изменилась документальная атрибутика ву-

за: гербовые и факультетские печати. Наконец, именно в 1920-е гг. университет приобрел свое современное название – Томский государственный университет (с 1921 г.).

Важным аспектом изменения имиджа университета стало реформатирование его социальной составляющей. Отмечается, что в позднеимперский дореволюционный период большинство профессуры России и мира в целом руководствовались так называемой идеологией науки, что подразумевало приоритет просветительских целей над утилитарными интересами государства и экономики [6. С. 174]. Это отражалось и на статусе Императорского Томского университета, который считался центром просвещения Сибири. Отсюда рождалась старая традиция томской профессуры давать публичные лекции. В 1920-е гг. статус университета и его имидж претерпевают изменения – от центра культуры и просвещения к «кузнице кадров» для народного хозяйства азиатской части СССР.

Под впечатлениями от посещения Томска А.В. Луначарский в 1923 г. писал: «Было бы прямой нелепостью и полной культурной опрометчивостью ставить крест на Томске. Грядущее темно, и самая близость Томска к Кузбассу с его гигантским будущим, к Кузбассу, правление которого и теперь еще в Томске, может открыть в экономическом отношении гигантские перспективы» [12. 21 июля]. В том же году в ходе собрания профсекций вузов г. Томска Всероссийского союза горнорабочих, состоявшемся в университете, специалист в области горного дела профессор Д.А. Стрельников сделал доклад на тему «Кузбасс и его промышленное значение». В нем он подчеркнул, что возрождение и дальнейшее развитие промышленности, строительство новых железных дорог, потребление топлива рудниками на собственные нужды, наконец, рост потребления энергии самим населением Сибири ставили перед Кузбассом задачу увеличения показателей добычи угля, а перед инженерами и учеными горного дела – повышения производительности труда на шахтах [7. 1923. 16 мая]. Профессор М.А. Усов неоднократно в своих статьях и докладах обращал внимание на крупнейшие угольные месторождения Сибири, которые необходимо разрабатывать: Минусинскую котловину, Тунгусский угленосный бассейн, Иркутское месторождение и т.д. «Сибирь – страна черного золота», – отмечал Усов [Там же. 1924. 24 апр.]. Широкие перспективы для экономики региона представляла организация металлургического дела [Там же. 1925. 31 июля]. Однако в условиях распространения двигателей внутреннего сгорания будущее, как отмечал в одной из своих статей профессор Н.И. Карташов, принадлежало «драгоценнейшему природному богатству» – нефти [Там же. 13 февр.].

Тот факт, что Сибирь обладала большими природными запасами и что подавляющая их часть оставалась нетронутой, делала актуальными для ученых Сибири вопросы изучения производительных сил региона. Так, в 1924 г. Обществом сибирских инженеров была создана комиссия для создания органа, «который объединил бы все имеющиеся силы для выявления экономических и промышленных возможностей Сибири». В нее кроме инженеров вошли профес-

сора С.В. Лебедев, В.И. Минаев, И.Ф. Пономарев [7. 1924. 7 марта].

Как следствие, вузы превращались в инструмент социалистического строительства и развития народного хозяйства. Отсюда вытекала и технологизация их образов в массовой репрезентации. В прессе все чаще Томский университет и технологический институт стали сравниваться с предприятиями, выпускающими продукцию: инженеров, врачей, педагогов. В свою очередь, «перед студенчеством и передовым профессорско-преподавательским составом стояла задача улучшить эту продукцию с наименьшими затратами сил и средств» [Там же. 10 окт.]. Социальная роль вузов освещалась в таких оборотах, как «ближе к запросам жизни», «осуществление НОТ (научной организации труда. – *Авт.*) в вузах», «укрепление связи вузов с производством», «теснее связь науки и труда», «предъявить свой счет Уралу» и т.д. По итогам всесоюзного ректорского совещания 1924 г. было решено «для усиления связи вузов с производством использовать три пути: летняя практика (в рамках так называемого третьего триместра. – *Авт.*), постоянная практика (при кооперативной системе) и планомерная связь с удовлетворением запросов промышленности в вузах» [Там же. 14 нояб.].

Особый упор стал делаться на связь университета и народных масс. В таком ключе освещался, например, Съезд врачей Сибири, состоявшийся в Томске в 1926 г. В новой идеологической парадигме особая роль принадлежала, конечно же, Томскому технологическому институту (с 1925 г. – Сибирский технологический институт), названному Кузницей пролетарских инженеров [7. 1927. 6 нояб.]. Что касается Томского государственного университета, то стоит отметить, что в 1920-е гг. он был крупнейшим в Сибири центром подготовки врачей, что определяло его стратегическое региональное значение как «Мастерской медицинских кадров».

«Старый медицинский факультет, несмотря на трудные годы, удержал всю высоту научной подготовки дела», – отмечалось в газете «Красное знамя» [Там же. 6 мая]. Технологический подход к репрезентации вуза предполагал особое внимание к показателям (как и на любом предприятии). Так, отмечалось, что «за 10 лет советской власти Томским государственным университетом выпущено врачей больше, чем за 25 лет дореволюционного времени», «тысячи молодых врачей, сотни квалифицированных специалистов, десятки профессоров» и т.д. [Там же. 6 нояб.]. Немаловажную роль в процессе подготовки специалистов для сибирской промышленности играл и физико-математический факультет ТГУ. Университет включился в конкурентную борьбу с другими вузами Сибири, ставшую известной как социалистическое соревнование.

Новый статус университета давал особые очертания его социальному облику в плане сближения с производством и народными массами, что особенно характерно проявилось, например, в случае избрания в 1928 г. профессоров ТГУ М.Г. Курлова и П.Н. Крылова в почетные шахтеры [7. 1928. 30 нояб.].

Наука становилась фактором государственной политики и международных отношений, что предподре-

деляло и особое значение университета и томских вузов в целом в бурно развивавшихся Сибири и Урале. Позднее, в 1932 г., во время выездной Урало-Кузбасской сессии Академии наук СССР ее вице-президент академик В.Л. Комаров отметил: «Мы ехали в Томск, зная, что сейчас в период бурного расцвета социалистического строительства, в период, когда мы стоим перед большой работой по выполнению второго пятилетнего плана, Томск в системе всей Западной Сибири и в строительстве Урало-Кузбасского комбината играет исключительную роль» [7. 1932. 15 июня]. Подчеркивая значение города как «старого культурного и научно-исследовательского очага Сибири», академик С.И. Вавилов, в будущем президент АН СССР, сказал: «Академия наук знает, что пионеры-инженеры на Урале все почти без исключения были томичами, что первые начатки техники на Дальнем Востоке, первая заслуга в этой области принадлежит Томску, что основы исследования естественных богатств Сибири заложены томичами. Академии наук известно, что Томск стал мощным центром теоретической и научной технической мысли... Перед колоссальными новыми задачами, перед славой их завершения, конечно, померкнет слава старого Томска... Академия наук ранее, еще совсем недавно бывшая ученым обществом, в котором были сосредоточены представители так называемой “чистой науки”, переменила свой фронт: она пошла навстречу жизни, пошла навстречу техники, навстречу задачам политики и задачам производства в промышленности» [Там же. 14 июня].

«Должен был наступить такой момент, когда все это отношение научных работников должно было вылиться в известную форму. И этот момент наступил» [7. 1927. 23 окт.], – отметил В.Н. Саввин в беседе с журналистом местной газеты в 1927 г. Пересмотр социальной роли университета в новых реалиях не просто изменил его имидж и статус, но и способствовал корпоративной консолидации внутри университетского сообщества и в целом зарождению особой типологии советской научной интеллигенции.

Вместе с тем, как уже было отмечено, сохранялась просветительская традиция профессоров университета, заключавшаяся в чтении публичных лекций. Многочисленных слушателей в 1920-е гг. привлекали лекции профессоров Б.Л. Богаевского (по искусству), П.Н. Лашенкова (о быте национальных меньшинств), Н.А. Попова (о мозге) и др. В стенах ТГУ устраивались диспуты по различным вопросам, а местная газета использовалась для популяризации трудов и идей крупнейших томских ученых.

Так, в 1927 г. жители города узнали об издании «плода более чем сорокалетних трудов» – «Флоры Западной Сибири» профессора П.Н. Крылова. Всего планировалось издать 10 томов. В газете отмечалось: «Автор труда маститый профессор Томского государственного университета, работающий в Томске с 1885 года. В настоящее время ему 77 лет, но он еще упорно работает, мечтая о том, когда улучшение государственных средств позволит привести в порядок его детище – университетский ботанический сад, им основанный и взращенный» [Там же. 12 февр.]. Осве-

щались также научно-просветительские заслуги других крупных томских профессоров.

Новой формой выражения старой традиции стал Народный университет, открытие которого состоялось 13 октября 1925 г. в Актовом зале ТГУ. Торжества прошли под лозунгом «научные знания в широчайшие народные массы» «с одной целью – приобрести рабочих, трудящихся к великому знанию, к культуре» [7. 1925. 15 окт.]. Лекции в нем читали профессора ТГУ А.В. Лаврский, М.Д. Рузский, Вен.А. Хахлов, В.В. Ревердатто, М.С. Тарасенко и др. Народному просвещению способствовала и организация в ТГУ собственной радиовещательной станции, по которой нередко читались лекции и доклады научных работников.

Таким образом, в 1920-е гг. Томский университет претерпел значительные изменения: как в управлении и социальном составе, так и в структуре идентичности. Конвергенция старой дореволюционной тради-

ции жизни и взаимоотношений в университете, ценностей и мировоззрения старой профессуры с советским партийным видением устройства и принципов построения жизни внутри вузов в это время привели к рождению эклектичного, временами контрастного типа идентичности Томского университета.

Становление новой синтетической корпоративной идентичности сопровождалось противостоянием между профессорами старой школы, с одной стороны, и так называемой новой профессурой («красной профессурой») и представителями власти – с другой. Необходимость сохранения статуса университета как крупнейшего вуза Сибири способствовала нахождению общих ценностей в новых реалиях, на основе которых вплоть до 1940-х гг. складывался новый «Красный» Томский государственный университет». В этот же период ТГУ стал инструментом социалистического строительства 1920–1930-х гг., что кардинально изменило имидж и идеологию вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эренбург И.Г. День второй. М. : Сов. лит., 1934. 256 с.
2. Фоминых С.Ф., Грибовский М.В., Сорокин А.Н. Корпоративная идентичность отечественных вузовских преподавателей в конце XIX – начале XXI в.: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 67–78.
3. Крылов А.Н. Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов. М. : Икар, 2004. 226 с.
4. Дагаева Е. Имидж вуза и корпоративная идентичность // Высшее образование в России. 2008. № 11. С. 89–93.
5. Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск : Сова, 2007. 310 с.
6. Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в Советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов : материалы Междунар. науч. colloквиума. СПб., 2003. С. 173–184.
7. Знамя революции. Орган Томского уездного революционного комитета (в январе 1920 г. «Сибирский коммунист», с октября 1921 г. «Красное знамя»). Томск.
8. Государственный архив Томской области. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 39.
9. Профессора Томского университета: биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
10. Кузнецов В.Д. Мой путь в науке // Музей истории ТГУ.
11. Декрет СНК РСФСР от 02.09.1921 «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 65. Ст. 486.
12. Луначарский А.В. По Сибири и Уралу. Сибирские впечатления // Известия ВЦИК, советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов и Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1923. 21 июня.
13. Чудинов Д.К. Из недавнего прошлого // Просвещение Сибири. 1927. № 10. С. 25–38.
14. Ректоры Томского университета: биографический словарь (1888–2003) / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, К.В. Петров, А.В. Литвинов, К.В. Зленко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Т. 5. 188 с.
15. Советская Сибирь. Ежедневная газета Сибирского крайкома ВКП(б), Сибревкома и Новосибирского губкома и губисполкома. Новосибирск.
16. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 115. Оп. 2. Д. 6.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 3. Д. 1.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 330.
19. XL юбилей университета. Поздравительные телеграммы по случаю 40-летия открытия университета // Музей истории ТГУ.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2017 г.

TRANSFORMATION OF THE CORPORATE IDENTITY AND IMAGE OF TOMSK UNIVERSITY IN THE 1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 172–181.

DOI: 10.17223/15617793/418/21

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: Tomsk University; 1920s; corporate identity; image; professors.

In the article, based on the use of archival materials, periodicals and sources of personal origin, the transformation of the corporate identity and image of Tomsk University in the 1920s is being investigated. The main theoretical approaches to the concepts “corporate identity” and “corporate image” are considered. This allowed the authors to determine the state of Tomsk University in the period under review as a crisis of corporate identity. It is noted that the emergence of this crisis occurred as a result of the practical implementation of the decrees of the Council of People’s Commissars of the RSFSR and provisions on higher education at Tomsk University. The fall in the status and privileges of professors, the deterioration of their financial situation, the introduction of student representation in the administrative and academic structures of the university, the liquidation of academic degrees and attestations – all this caused a protest of professors throughout Russia, including representatives of the university community of Tomsk. Forms of confrontation between the old professors and the representatives of the Soviet government, supported by part of the faculty and students, are analyzed. This confrontation was manifested in the criticism of the representatives of the old university professors in the local press, in the ignoring of their opinion in solving important issues of the internal life of the university

(liquidation of the Faculty of Social Sciences, the order of admission of new faculty and researchers to the departments, etc.), in the attempt to grow a new “red professorship” and replace the old one with it. In turn, the old professors, using their influence, often resorted to ultimatums, manipulated the leadership of the university, retained the old traditions and ethics of relationships in the informal sphere. The rapprochement of the conflicting parties and the formation of a new mixed corporate identity on the basis of the convergence of pre-revolutionary academic values, ideals, traditions and new trends of the Soviet era were manifested in the resumption of the cult of venerable scholars of the university and the technological institute, in the tradition of solemn celebration of anniversaries (individual scholars, the university and its structures), in demonstrating respect for deceased professors. For the emerging corporate culture it was also characteristic to recognize the university as the cultural core of Tomsk, to introduce the practice of social egalitarianism within the university community (all are comrades to each other), to involve scholars in socialist construction. It is noted that the new corporate identity was formed simultaneously with the transformation of the image. It was created on the basis of the changed social mission of the university, the significance of which as a “forge of the cadres” in the Asian part of the USSR expanded and increased in the era of socialist construction. It is concluded that the new status of Tomsk State University was also formed on the basis of recreating its educational function in the Soviet era, which manifested itself in public lectures of university professors, popularization of their research achievements in the local press and the organization of the People’s University in Tomsk.

REFERENCES

1. Erenburg, I.G. (1934) *Den' vtoroy* [Day Two]. Moscow: Sov. lit.
2. Fominykh, S.F., Gribovskiy, M.V. & Sorokin, A.N. (2013) Corporate Identity of National University Lecturers at the end of the XIX - the beginning of the XXI century: the Study Concept. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 67–78. (In Russian).
3. Krylov, A.N. (2004) *Korporativnaya identichnost' dlya menedzherov i marketologov* [Corporate identity for managers and marketers]. Moscow: Ikar.
4. Dagaeva, E. (2008) Imidzh vuza i korporativnaya identichnost' [Image of the university and corporate identity]. *Vysyshee obrazovanie v Rossii*. 11. pp. 89–93.
5. Krasil'nikov, S.A. (2007) *Intelligentsiya Sibiri v pervoy trety XX veka: status i korporativnye tsennosti* [Intellectuals of Siberia in the first third of the 20th century: status and corporate values]. Novosibirsk: Sova.
6. Finkel', S. (2003) Organizovannaya professura i universitetskaya reforma v Sovetskoy Rossii (1918–1922) [Organized professorship and university reform in Soviet Russia (1918–1922)]. In: Smirnov, N.N. (ed.) *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov. Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma* [Power and Science, Scholars and Power: 1880s – early 1920s. Materials of the International Academic Colloquium]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
7. *Znamya revolyutsii*.
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 39. (In Russian).
9. Fominykh, S.F. et al. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: a Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
10. History Museum of TSU. Kuznetsov, V.D. (n.d.) *Moy put' v nauke* [My way in science].
11. RSFSR. (1921) Dekret SNK RSFSR ot 02.09.1921 “O vysshikh uchebnykh zavedeniyakh RSFSR (Polozhenie)” [Decree of the Council of People’s Commissars of the RSFSR of September 02, 1921 “On higher educational institutions of the RSFSR (Regulations)”. In: *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of legal acts of the RSFSR]. Vol. 65. Art. 486.
12. Lunacharskiy, A.V. (1923) Po Sibiri i Uralu. Sibirskie vpechatleniya [In Siberia and the Urals. Siberian impressions]. *Izvestiya VTsIK, sovetov rabochikh, krest'yanskikh, kazach'ikh i krasnoarmeyskikh deputatov i Moskovskogo soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov*. 21 June.
13. Chudinov, D.K. (1927) Iz nedavnego proshlogo [From the recent past]. *Prosveshchenie Sibiri*. 10. pp. 25–38.
14. Fominykh, S.F. et al. (2003) *Rektory Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* (1888–2003) [Rectors of Tomsk University: A Biographical Dictionary (1888–2003)]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University.
15. *Sovetskaya Sibir'*.
16. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 115. List 2. File 6. (In Russian).
17. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 115. List 3. File 1. (In Russian).
18. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 76. List 1. File 330. (In Russian).
19. History Museum of TSU. *XL yubiley universiteta. Pozdravitel'nye telegrammy po sluchayu 40-letiya otkrytiya universiteta* [XL anniversary of the University. Congratulatory telegrams on the occasion of the 40th anniversary of the opening of the University].

Received: 26 March 2017